

УДК 801.311

Ю.В. Исламова

Демографический фактор языкового сдвига в селах Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры

Аннотация. В работе на основе материалов социологического исследования, проведенного в населенных пунктах Ханты-Мансийского района с компактным проживанием коренных малочисленных народов Севера, рассматривается роль демографического фактора в жизнестойкости языков КМНС. В процессе анализа автор приходит к выводу о том, что большой приток инонационального населения и последующие за ним ассимиляционные процессы автохтонных жителей оказали негативное влияние на состояние их этнических языков. В настоящее время подавляющее большинство обских угров Нижне-Среднего Приобья не владеют языками своей нации.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; этнический язык; ассимиляция, языковой сдвиг.

Y.V. Islamova

Demographic factors of language shift in the villages of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra Khanty-Mansiysk

Abstract. In the work based on the materials of sociological research conducted in the settlements of Khanty-Mansiysk district with a compact residence of indigenous peoples of the North, examines the role of the demographic factor in the resilience of indigenous languages. During the analysis the author comes to the conclusion that a large non-population of influx and the subsequent assimilation processes autochthonous inhabitants had a negative impact on the status of their ethnic languages. At present time the vast majority of Ob-Ugric peoples of this administrative entity aren't fluent in the language.

Keywords: indigenous peoples of the North; ethnic language; assimilation, language shift.

В социолингвистике последних десятилетий уделяется значительное внимание проблемам функционирования языков коренных малочисленных народов Севера (А.Е. Кибрик, О.А. Казакевич, Н.Б. Вахтин, А.А. Бурькин, Н.Б. Кошкарева и другие). Факторы языкового сдвига занимают в них одно из центральных мест. В качестве основных условий процесса утраты языков КМНС авторы называют приток русскоязычного населения, смешанный состав населения поселков, политику укрупнения населенных пунктов, введение школьного преподавания на русском языке. Кроме того, проживание детей в интернатах, где они лишены возможности говорить на титульном языке, распад традиционного хозяйства, рост числа межнациональных браков, а также отсутствие мотивации к изучению языка даже там, где это теоретически

возможно. Отсутствие или слабое воздействие этих факторов, наоборот, является причиной языковой устойчивости.

Многие исследователи приводят более или менее одинаковый набор условий, при которых возможен языковой сдвиг. Однако многие из них оговаривают, что эти условия независимы, неравноценны и находятся в сложном взаимодействии. Предлагаемые факторы тесно связаны один с другим, ни один из них не может рассматриваться как самостоятельный и тем более главный [1, 13–14]. Тем не менее как в языковом сдвиге, так и в обеспечении жизнеспособности языка одно из первых мест в иерархии факторов отводится демографическим факторам.

В работе будет рассмотрена языковая ситуация в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры в аспекте формирующих ее

демографических условий.

Территорию Нижне-Среднего Приобья, на которой сейчас располагается район, исконно занимали ханты и ненцы. Ненцы, по свидетельству старожилов сел Кышик и Нялинское, жили в северной части, на р. Назым и в среднем течении р. Обь еще до ханты. В дальнейшем одни из них были ассимилированы инонациональным населением, другие мигрировали. В настоящее время в этническом составе КМНС Ханты-Мансийского района преобладают ханты. Единично представлены манси, прибывшие с других территорий, и ненцы.

По данным социологических исследований 2008–2011 гг., в отдельных районах Ханты-Мансийского автономного округа-Югры – Нижневартовском, Белоярском, Советском, Октябрьском, а также локально в с. Согом Ханты-Мансийского района – 57 % коренного населения используют языки коренных малочисленных народов Севера [Хакназаров, 128–129].

В результате аналогичного исследования, проведенного автором в населенных пунктах Ханты-Мансийского района с компактным проживанием КМНС, выяснилось, что языками, специфичными для своей нации, в них владеет 12, 6 % опрошенных.

Как видим, в ХМАО-Югре сформировалась неоднородная языковая ситуация. По всей видимости, языки КМНС на исследованных территориях оказались под воздействием разных условий, приведших к языковому сдвигу с разной степенью сохранности этнических языков.

Толчком к включению механизма языкового сдвига, по мнению Н.Б. Вахтина, является обычный культурный и языковой контакт, когда рядом с привычной жизненной моделью возникает другая модель, часто более привлекательная. И если государственная политика и экономическая, демографическая, социальная ситуация продолжает меняться, в особенности в сторону большей настойчивости, исходящей от доминантного языка (что и произошло на Севере в 1950-х годах), то ситуация дву-

язычия начинает быстро двигаться в сторону отказа от титульного языка и перехода на доминантный [1, 15].

Как показывает анализ языковой ситуации в Ханты-Мансийском районе, именно контактирование неродственных народов послужило здесь импульсом к языковому сдвигу. С формированием постоянного русского населения язык и культура ханты начали испытывать на себе медленное, но поступательное влияние русской культуры.

В истории освоения Севера Западной Сибири русскими можно выделить несколько этапов. Первый из них относится ко второй половине XVII в., когда в Обь-Иртышском Междуречье появились выходцы из поморских земель. Они принесли с собой свои устои и свой язык.

Ученый и краевед Х.М. Лопарев [3], тобольский врач Ф.И. Белявский, финский филолог М.А. Кастрен, исследователь Тобольского Севера А.А. Дунин-Горкавич и другие, побывавшие в населенных пунктах Нижнего Прииртышья в разные периоды XIX в., отмечали значительное влияние русской культуры на коренных жителей там, где остяцкие поселения соседствуют с русскими. Его результаты были видны уже в начале XIX в. По свидетельствам очевидцев, у автохтонного населения наблюдались перенятые у русских обустройство дома, способы ведения хозяйства, реалии материального быта [4, 41 – 42]. Вместе с ними остяки заимствовали и русскую лексику, обозначавшую важные для них понятия. Так были сделаны первые шаги на пути этнической интеграции коренных жителей.

Ассимиляционные процессы значительно усилились во второй половине XX в. 50–60-е годы в СССР ознаменовались масштабными экономическими реформами в промышленности и сельском хозяйстве. Одним из мероприятий, направленных на подъем села, стало укрупнение сельскохозяйственных предприятий, за которым последовало сселение в одно место жителей мелких населенных пунктов. Реформы сельского хозяйства затро-

нули также и Ханты-Мансийский национальный округ. В период с 1964 года по настоящее время количество сел в округе уменьшилось с 314 до 173, или в 1,7 раза [5]. Были ликвидированы «неперспективные» национальные деревни, а их жители переселены в более крупные населенные пункты.

Процессу утраты этнической культуры коренным населением в значительной мере способствовал большой приток мигрантов в период бурного промышленного освоения Севера Западной Сибири в 1960–80-х годах. За это время население округа увеличилось более чем в 9 раз [4, 164–208].

В настоящее время общая численность жителей населенных пунктов Кышик, Нялинское, Цингалы и Шапша, ставших базой настоящего исследования, составляет 3110 человек. К КМНС относятся 756 человек (24 % населения).

В Кышике проживает 809 человек. Из них 450 – автохтонные жители (55 % от об-

щего количества населения): ханты – 441, манси – 1, ненцы – 9 человек.

В Нялинском значится 771 житель. Представителей КМНС – 91 человек (12 % от всего населения): ханты – 88, манси – 3 человека.

В Цингалах на сегодняшний день насчитывается 810 жителей. К КМНС относятся 130 (16 % от общего количества): ханты – 126, ненцы – 4.

Население Шапшы – 720 человек, из них КМНС – 85 человек (12 % населения): ханты – 64, манси – 13, ненцы – 7, селькупы – 1.

В обеспечении жизнестойкости языка важен размер этнической группы. Принято считать, что чем больше в ней насчитывается носителей языка, специфичного для своей нации. Представим в таблице информацию о соотношении численности КМНС Ханты-Мансийского района с численностью владеющих этническими языками.

Населенный пункт	Численность КМНС (чел.)	Доля КМНС от общей численности населения (%)	Владение языками КМНС (%)
Кышик	450	55	37,6 %
Цингалы	130	16	-
Нялинское	91	12	7,3 %
Шапша	85	12	10 %

Как видим, самая значительная группа коренного населения проживает в Кышике. Там же зафиксировано наибольшее количество знающих языки КМНС. В Цингалах – втором по численности КМНС селу – использующих этнический язык нет. Согласно данным соцопроса, только 5 % респондентов здесь владеют хантыйским языком на уровне понимания (понимают язык, но не говорят на нем). В Нялинском, уступающим по количеству КМНС Кышику и Цингалам, менее 10 % знают этнические языки. Шапша – населенный пункт с самым малым количеством КМНС – оказывается на втором после Кышика месте по количеству носителей языков коренных народов.

Помимо прямой зависимости количест-

ва носителей языка от численности жителей, в данном случае действуют и другие условия, приводящие к неоднозначным результатам. По всей видимости, это происходит вследствие того, что степень воздействия факторов народонаселения в перечисленных населенных пунктах оказывается разной. Так, в Нялинском, Цингалах и Шапше автохтонные жители подверглись большей этнической ассимиляции, чем в Кышике вследствие численного превосходства русских и более длительных межэтнических контактов. В Шапше знание родного языка указали манси, ненцы и селькупы, переселившиеся в Ханты-Мансийский район с других территорий.

Количественный перевес инонацио-

нальных жителей, среди которых по численности первое место занимают русские, привел к отказу от этнических традиций и усвоению русской культуры автохтонным населением Севера Западной Сибири. Следствием численного превосходства и тесных контактов стало появление значительного количества смешанных семей. Больше всего межнациональных браков заключено с ханты (до 60 %), меньше – с ненцами (до 40 %) и манси (до 21 %). С начала 90-х годов доля межэтнических браков в местах проживания коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского округа постоянно увеличивается. Если среди лиц пожилого возраста лишь четвертая часть – метисы, то среди лиц в возрасте 30–39 лет – 39 %, а среди молодежи до 30 лет – метис каждый второй. У каждого третьего представителя аборигенного этноса одним из родителей был русский; у 16, 3 % – русский отец и у 11, 6 % – русская мать. В настоящее время более половины (51 %) представителей коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском, Октябрьском и Березовском районах состоят в этнически смешанных браках [6, 199–202].

А.П. Зенько, исследовавший национальную ситуацию в селах восточной части Ханты-Мансийского района в 1995 г., также отмечает большое число подобных браков. Русские, по его наблюдениям, являются для ханты предпочтительными брачными партнерами. Подобная ориентация вызвана, во-первых, исторически сложившейся системой связей между обскими ханты и русскими, что привело к значительной культурной близости данных этносов, во-вторых, подавляющим численным преобладанием русского населения [7, 84–85].

Семьи, в которых один из супругов русский, ориентированы на русскую культуру. Несмотря на то, что языками КМНС владеет каждый восьмой респондент, 93,7 % опрошенных в семье общаются исключительно на русском языке. Налицо негативное влияние этнически смешанных браков

на жизнеспособность языков коренных малочисленных народов Севера.

С демографическим фактором тесно связан фактор престижа лидирующей национальности. Он также занимает не последнее место в иерархии условий, формирующих языковую ситуацию. В середине 50-х годов, когда процесс двуязычия на Севере развернулся в полной мере, началось идеологическое давление в пользу превращения всего населения страны в «единый советский народ», что на деле означало русификацию; на Север хлынул поток приезжих, и мотивация престижа в глазах своих, подталкивавшая к выучиванию доминантного языка как второго основного наряду с родным и к принятию внешней культуры, была вытеснена мотивацией престижа в глазах чужих, подталкивавшего к отказу от своей культуры и языка. В этой связи неукрепившаяся ситуация двуязычия стала быстро скатываться в сторону отказа от традиционной культуры и языкового сдвига, подталкиваемая уже не только прагматической мотивацией и мотивацией престижа «в глазах своих», но и мотивацией престижа «в глазах чужих» [1, 15].

Информанты из числа русского населения в возрастной группе «50 лет и старше» подтверждают, что в 60–80-е годы XX в., вплоть до распада СССР, этническая принадлежность к русским была более привлекательной в глазах КМНС, чем собственная этническая идентичность. Это, как говорилось выше, явилось одной из причин большого количества межэтнических браков и записи детей, рожденных в них, русскими.

Непристижность национальности ханты в то время иллюстрирует пример из жизни русско-хантыйской общины Кышика, рассказанный одним из респондентов. Он сообщил о том, что в детской среде тех лет не было оскорбительнее ругательства, чем слово «хант». Названный им ребенок немедленно бросался в драку.

Немодным, соответственно, было и говорить на этническом языке. Вероятно, по этой причине родители не стремились

учить детей своим родным языкам. Неслучайно больше всего респондентов Ханты-Мансийского района (47,6 %) причиной незнания языков КМНС назвали отсутствие языковой практики в детстве; 18,9 % отметили отсутствие преподавания этнических языков в школе.

Нежелание родителей передавать родной язык своим детям Н.Б. Вахтин объясняет прагматическими мотивами, связанными с мотивами престижа, которыми руководствуются родители, дабы облегчить вхождение своих детей в новые социальные условия [1, 16].

Ситуация изменилась с распадом СССР, когда наметились положительные тенденции в процессе национальной самоидентификации автохтонных жителей ХМАО и в росте престижности языков КМНС. Оказание адресной социальной поддержки КМНС со стороны государства способствовало формальному росту численности ханты в изучаемом районе. Анализ этнической ситуации ряда населенных пунктов Ханты-Мансийского района в середине 90-х годов прошлого столетия показал, что практически все дети от смешанных браков в Зенково, Скрипуново и Селиярово фиксируются родителями как ханты, несмотря на их значительную русификацию [7, 84–85].

Аналогичную демографическую картину мы наблюдали в 2014 году в селах

Кышик, Нялинское, Цингалы и Шапша этого же административного образования. По словам местных жителей, численность «новых» ханты и манси, т.е. восстановивших свою национальную принадлежность к обским уграм по одному из предков, в них довольно велика.

Таким образом, рассмотренные особенности реализации демографического фактора в языковой ситуации Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры дают нам право утверждать, что жизнестойкость языков КМНС в значительной мере зависит от таких экстралингвистических причин, как компактность проживания автохтонного населения, количество говорящих на языках КМНС, численное преобладание инонационального (русского) населения в официальной и бытовой сферах общения, продолжительность этнических контактов, характер браков и др.

Очевидно, что демографический фактор не является единственным и обусловлен другими факторами (географическим, лингвистическим, социально-экономическим), но и сам он является звеном, без которого невозможно ни сохранение, ни утрата языка. Изучение влияния демографических процессов, на наш взгляд, должно стать отправной точкой в исследовании языковой ситуации и причин языкового сдвига.

Литература

1. Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) / Н.Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 11–16.
2. Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008–2011 годах. Ханты-Мансийск, 2012. 202 с.
3. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Юбмель: СофтДизайн, 1997. 264 с.
4. Загороднюк Н.И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / Загороднюк Н.И., Ю.Н. Квашнин, А.Ю. Конев, И.А. Ломакин, В.Г. Усманов. / Под ред. А.Ю. Конева и В.Г. Усманова. Тюмень: Мандер и К, 2003. 296 с.
5. Андреева Г.П. Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки (на примере сельских территорий Южного Урала) [Электронный ресурс] / Г.П. Андреева // Исторические исследования: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2012 г.). URL: [http:// moluch.ru/conf/hist/archive/54/2494/](http://moluch.ru/conf/hist/archive/54/2494/) (дата обращения: 21.12.14).

6. Харамзин Т.Г. Экономика традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск, 2001. 294 с.
7. Зенько А.П. Современная этническая ситуация в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (по данным полевых исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-etnicheskaya-situatsiya-v-hanty-mansiyskom-rayone-hanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-po-dannym-polevyh-issledovaniy> (дата обращения 09.04.2015).

References

1. Vakhtin N.B. Conditions of language shift (To the description of the modern language situation in the far North) / N.B. Vakhtin // Bulletin of young scientists. Series: Philology. – 2001. – No. 1. – P. 11–16.
2. Haknazarov S.H. the State of the native languages of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in 2008–2011. Khanty-Mansiysk, 2012. 202.
3. The H.M. Loparev Samarovo village, Tobolsk province and County: a Chronicle, memories and materials about his past. Ummel: Softdesign, 1997. 264 p.
4. Zagorodnyuk N. And. Samarovo edge: the history of the Khanty-Mansiysk district / Zagorodnyuk N. And., Y.N. Kvashnin, A.Y. Konev, I.A. Lomakin, V.G. Usmanov. Ed. by A.Y. Konev and V.G. Usmanov. Tyumen: Mander and K, 2003. 296 p.
5. Andreeva G.P. Agrarian transformation early 50-ies of XX century: mistakes and errors (for example, rural areas of the southern Urals) [Electronic resource] / G.P. Andreeva // Historical research: proceedings of the international. scientific. Conf. (Ufa, June 2012). URL: <http://moluch.ru/conf/hist/archive/54/2494/> (accessed 21.12.14).
6. Karamzin T.G. Economics of traditional nature use of indigenous numerically small peoples of the North. Khanty-Mansiysk, 2001. 294 p.
7. Zenko A.P. Contemporary ethnic situation in Khanty-Mansiysk Autonomous district, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra (according to field research) // Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-etnicheskaya-situatsiya-v-hanty-mansiyskom-rayone-hanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-po-dannym-polevyh-issledovaniy> (09.04.2015).